

Вначале мы с отцом держались за руки при зарождении нашей фамилии, в предыстории наших объятий и поцелуев, поездок в выдуманную ночь или в город алкоголя и табака. Мы ни в чем не можем убедиться, если мир не разнесло вдребезги от наших семейных молитв, если мы не были миром, если земля, бурлящая среди наших вен, не извергла наш внутренний ад. Мой отец был тихим существом, несущим в своём сердце гнев, ненависть и осуждение времени; едкий человек с зелёными мечтами, которому выпало пострадать от ледяной бури, сжёгшей его руки; руки, которые ласкали мои усталые веки, которые порой видели, как горизонт был империей, уничтоженной огнём джунглей. Мой отец пересёк берег мертвецов, чтобы добраться до

меня, добраться до своих мертвецов и сказать им, что он сын ярости, гнева, сын изнасилованных ангелов, сын, который сбежал со своих собственных похорон, чтобы заново выдумать рыдания женщин, которых он так любил. Мой отец — разбитая чаша, из которой я пью его пороки. Я его самый глубокий порок, его отомщенное наследие, жалкая плоть, которая не боится рассекать воздух, чтобы захватить то, что она хочет. Я — его больное наследие, которое безжалостно убьёт его палачей. Его безумное наследие, которое оживит трупы и зверей, лишь бы только его рана выделяла яд. Мой отец — это открытая настёжь комната, куда я захожу без обуви и носков, готовый исправить свои ошибки. Там, внутри, я знаю, что меня ждут, но я должен хранить молчание, чтобы его слово —

Аугусто Родригес родился в Гуаякиле (Гватемала) в 1979 г. Журналист, редактор, профессор в Университете Гуаякиля. Доктор наук (латиноамериканские исследования). Изучал язык, литературу, историю и философию в Автономном университете Мадрида. Автор 20 книг стихов, рассказов, романов, интервью и эссе, вышедших в Испании, Мексике, Румынии, Франции, на Кубе, в Перу и Эквадоре. Награждён многими премиями и дипломами. Стихи переведены на 12 языков. Директор издательства «Кирбфано эдисьонес». Директор Международного фестиваля поэзии в Гуаякиле «Илеана Эспинель Седеньо».

тишина и радость — пронзило мою барабанную перепонку, мозжечок и прошло сквозь мой позвоночник, чтобы быть распятым в аорте. Мне нужно научиться защищаться от его зеркал и разгневанных богов: они, как тигры, бросаются в круг и заставляют сражаться ранеными руками. Я только с честью принимаю его приглашение, и мы дискутируем.

IV

Сегодня я молюсь за кровь от моей крови, плоть от моей плоти, которая покоится в семейном склепе до конца света, ожидая визита заблудшего ангела, который скачет в моём черепе и пытается разгадать тайны моей жизни, пока не стало слишком поздно. Я хочу открыть суть простых вещей, которые мой отец также любил перед жатвой и потопом; открыть для себя его фосфоресцирующее наследие в этот тёплый зимний день, когда идет дождь, а город выглядит как сооружение, построенное грустными детьми, пытающимися обезглавить крыши тех мест, где я когда-то был счастлив. Я пытаюсь своими руками изваять отца, вернуть его из долгого путешествия, где счастье продолжает оставаться светом, пронизывающим кристаллы и радующим нас соитием звёзд. Где-то на этих улицах меня поджидает отец: распростёртые объятия, его тёплая улыбка, биение сердца синей лошади, его грустные

пальцы, готовые ласкать меня. Он будет ждать меня с двумя бокалами вина, чтобы выпить нашу кровь и вспомнить происхождение внутренних джунглей. Объятия будут долгими, как стая птиц, летящих на юг, и сказка о нашей коже — единственная гарантия не сойти с ума в этой пустыне.

XI

Мой отец умер, боясь закрыть глаза, с кольцами времени на пурпурных пальцах, с глазами, ранеными желтой кровью, с зубами, почерневшими от солнца и потоков змеиного воздуха. Когда кто-то умирает, он покидает свою клетку, чтобы превратиться в добычу следующих друг за другом лиц родового камня, в цвета источников воды, в монеты, выброшенные ветеранами; он позволяет своей душе течь, как идеальное стихотворение, и уходит далеко-далеко искать то, что теряют в потоках дня, удачу, брошенную в казино или в карточной игре. Всё, что связано с чем-то бóльшим, чем смерть среди волн, в пене или в зубах того моря, которое уносит нас из рая, изобретенного догматическими словами, которые никогда не означают ничего, кроме возможности увидеть, как людей обезглавливают на кресте, брошенном в бездну колоколов.

Перевел с испанского
Игорь Елисеев